

Сан-Франческо-а-Рипа

новелла

/

Category: Heкаýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Сан-Франческо-а-Рипа / новелла САН-ФРАНЧЕСКО-А-РИПА*

Я даю перевод итальянской хроники, подробно описывающей любовную связь римской княгини и француза. То было в 1726 году, в начале прошлого столетия. Все злоупотребления nepотизма процветали тогда в Риме. Никогда еще этот двор не был столь блестящим. Царствовал Бенедикт XIII (Орсини), или, вернее сказать, всеми делами, и большими и малыми, управлял от имени папы его племянник, князь Кампобассо. Иностранцы отовсюду съезжались в Рим; итальянские князья, испанские дворяне, еще не растратившие золота, полученного ими из Нового Света, стекались туда толпою. Человек богатый и могущественный чувствовал себя там неподвластным закону. Волокитство и роскошный образ жизни составляли, по-видимому, единственное занятие этого великого множества иностранцев и итальянских уроженцев.

Две племянницы папы, графиня Орсини и княгиня Кампобассо, делили между собою могущество своего дяди и восхищение всех придворных. Своей красотой они выделялись бы, даже если бы стояли на самых низших ступенях общества. Орсини, как запросто говорят в Риме, была весела и *disinvolta*, Кампобассо – чувствительна и набожна; но этой чувствительной душе были свойственны самые бурные порывы. Ежедневно встречаясь у папы и часто посещая друг друга эти две особы, хотя они и не были открытыми врагами, соперничали во всем: в красоте, Влиянии и богатстве.

У графини Орсини, менее красивой, но обольстительной, легкомысленной, подвижной и склонной к интригам, были любовники, которым она уделяла мало внимания и которые царили один миг. Графиня находила счастье в том, чтобы принимать в своих гостиных двести человек и быть среди них королевой. Она

очень насмеялась над своей кузиной Кампобассо, которая, после того как она три года подряд всюду показывалась с одним испанским герцогом, кончила тем, что приказала ему покинуть Рим в двадцать четыре часа, и притом под страхом смертной казни.

— Со времени этого крупного происшествия, — говорила Орсини, — моя величественная кузина ни разу не улыбнулась. За последние несколько месяцев стало видно, что эта бедная женщина умирает от скуки или от любви, а ее муж, человек очень ловкий, выдает эту скуку нашему дядюшке, папе, за величайшее благочестие. Я предвижу, что это благочестие заставит княгиню предпринять паломничество в Испанию.

Кампобассо и не думала сожалеть о своем испанце, в продолжение по меньшей мере двух лет наводившем на нее смертельную тоску. Если бы она сожалела, то послала бы за ним, ибо она принадлежала к числу тех непосредственных и страстных натур, какие нередко можно встретить в Риме. Случалось, что эта восторженно набожная, хотя едва достигшая двадцати трех лет и находившаяся в расцвете красоты женщина кидалась в ноги своему дяде, умоляя дать ей папское благословение, которое, как мало кому известно, отпускает, за исключением двух-трех ужасных грехов, все остальные, и даже без исповеди. Добрый Бенедикт XIII плакал от умиления.

— Встань, племянница, — говорил он ей, — ты не нуждаешься в моем благословении, ты достойнее меня перед богом.

В этом папа, несмотря на свою непогрешимость, ошибался, как и весь Рим. Кампобассо была без памяти влюблена, ее любовник разделял ее страсть, и однако она была очень несчастна. Уже несколько месяцев она почти ежедневно виделась с кавалером де Сенесе, племянником герцога Сент-Эньяна, в то время бывшего послом Людовика XV в Риме.

Сын одной из любовниц регента Филиппа Орлеанского, юный Сенесе пользовался во Франции величайшим покровительством; давно уже имея чин полковника, хотя ему едва исполнилось двадцать два года, он обладал фатовскими привычками и теми качествами, которые их оправдывают, но по своему характеру он все же не был фатом. Веселость, желание всегда и всем забавляться,

ветреность, доброта и мужество составляли наиболее заметные черты этого своеобразного человека, и в те времена можно было сказать, в похвалу французской нации, что он был ее чистейшим образцом. Увидев кавалера, княгиня Кампобассо его отличила.

— Но я не доверяю вам, — сказала она, — вы француз; предупреждаю вас об одном: в тот день, когда в Риме узнают, что я иногда тайно вижусь с вами, я буду убеждена, что вы это рассказали, и разлюблю вас.

Играя с любовью, Кампобассо вскоре страстно влюбилась. Сенесе тоже полюбил ее, но их связь продолжалась уже восемь месяцев, а время, усиливающее страсть итальянки, убивает чувство француза. Тщеславие несколько утешало кавалера в его пресыщенности; он уже послал в Париж два-три портрета Кампобассо. Впрочем, осыпанный, так сказать, с колыбели всевозможными благами и преимуществами, он вносил свойственную ему беспечность даже в интересы тщеславия, обычно поддерживающего такое беспокойство в сердцах его соотечественников.

Сенесе совершенно не понимал характера своей возлюбленной, поэтому его порою забавляли ее, странности. Нередко еще, например, в день св. Бальбины, чье имя носила княгиня, ему приходилось побеждать ее угрызения совести и порывы пылкого и искреннего благочестия. Она не забыла ради него религию, как то случается с простыми женщинами Италии; он победил ее силой, и борьба между ними часто возобновлялась.

Это препятствие, первое, которое встретил в своей жизни взысканный судьбою юноша, забавляло его и поддерживало в нем привычку быть любезным и внимательным к княгине; время от времени он считал своим долгом любить ее. Имелась тут и другая, мало романтическая причина: у Сенесе был только один наперсник — французский посланник, герцог де Сент-Эньян, которому он оказывал кое-какие услуги с помощью Кампобассо и который был обо всем осведомлен. Значение, приобретаемое Сенесе в глазах посланника, необычайно льстило молодому человеку.

Кампобассо, несколько не похожая нравом на Сенесе, оставалась совершенно равнодушной к блестящему общественному положению

своего возлюбленного. Быть или не быть любимой — в этом заключалось для нее все.

«Я жертвую ради него моим вечным блаженством, — твердила она мысленно, — он — еретик, француз — ничего подобного не может принести мне в жертву».

Но кавалер появлялся, и его веселость, такая милая, неистощимая и вместе с тем непосредственная, удивляла Кампобассо и пленяла ее. При виде Сенесе все заранее приготовленные ею слова, все мрачные мысли исчезали. Такое состояние, столь непривычное для этой гордой натуры, сохранялось еще долго после ухода Сенесе. В конце концов княгиня поняла, что не может жить, не может ни о чем думать вдали от него.

Мода на испанцев, державшаяся в Риме два столетия подряд, начинала понемногу сменяться прежней модой на французов. Стали отчасти понимать этот тип людей, которые вносят удовольствие и счастье всюду, куда они являются. Такие люди встречались в те времена только во Франции, а после революции 1789 года не встречаются уже нигде. Ведь столь неизменная веселость требует беззаботности, а во Франции ни для кого больше нет обеспеченной карьеры, даже для величайшего гения. Между людьми сословия Сенесе и остальной частью нации идет открытая война.

Рим тоже был в то время далеко не тем, каким мы видим его теперь. Никто и не предполагал там в 1726 году того, что должно было произойти шестьдесят семь лет спустя, когда народ, подкупленный несколькими священниками, зарезал якобинца Басвиля, хотевшего, как он говорил, просветить столицу христианского мира.

Подле Сенесе Кампобассо впервые утратила рассудительность: она чувствовала себя то наверху блаженства, то беспредельно несчастной из-за вещей, не одобряемых ее разумом. Как только Сенесе поборол в этой суровой и чистосердечной натуре религию, которая была для нее гораздо важнее доводов разума, ее любовь должна была быстро возрасти и превратиться в самую неистовую страсть.

Княгиня в свое время отличила монсиньора Ферратерра и содействовала его карьере. Каково же было ее негодование,

когда Ферратерра сообщил ей, что Сенесе не только чаще обычного ездит к Орсини, но и является виновником того, что графиня порвала со знаменитым певцом, который уже несколько недель состоял ее любовником.

Наш рассказ начинается с вечера того дня, когда Кампобассо получила это роковое известие.

Она неподвижно сидела в огромном кресле золоченой кожи. Две большие серебряные лампы на высоких подставках, творения знаменитого Бенвенуто Челлини, стоявшие около нее на столике черного мрамора, освещали, или, вернее, оттеняли, мрак огромной залы в нижнем этаже ее дворца, украшенной потемневшими от времени картинами, ибо в ту эпоху великие живописцы уже принадлежали далекому прошлому.

Напротив княгини и почти у ее ног, на низеньком стулике черного дерева, отделанном массивными золотыми украшениями, только что расположился в изящнейшей позе юный Сенесе. Княгиня молча смотрела на него; когда он вошел в эту залу, она не только не поспешила ему навстречу и не бросилась в его объятия, но и не сказала ему с тех пор еще ни слова.

В 1726 году Париж уже был законодателем изысканной жизни и нарядов. Сенесе постоянно выписывал оттуда через курьеров все, что могло усилить привлекательность одного из самых красивых французов, каким он мог считаться. Несмотря на самоуверенность, столь естественную у человека такого общественного положения, одержавшего свои первые любовные победы над красавицами двора регента и под руководством своего дяди, знаменитого Канильяка, одного из участников интимных забав этого государя, вскоре на лице Сенесе появились признаки замешательства. Прекрасные белокурые волосы княгини были слегка растрепаны, взгляд ее больших синих глаз неотступно покоился на Сенесе, выражение их было загадочно. Задумывала ли она смертельную месть? Или то была лишь глубокая сосредоточенность страстной любви?

— Итак, вы меня разлюбили? — произнесла она наконец сдавленным голосом.

За этим объявлением войны последовало долгое молчание.

Княгине дорого стоило отказаться от пленительного изящества

Сенесе, который, если бы она не делала ему сцены, был уже готов наговорить ей множество прелестных вещей; но она была слишком горда, чтобы откладывать объяснение. Кокетка ревнует из самолюбия; куртизанка — по привычке; женщина, любящая искренне и страстно, ревнует потому, что сознает свои права. Этот недвижный взгляд, свойственный римской страсти, очень забавлял Сенесе; он чувствовал в нем глубину и неуверенность, в нем как бы выступала обнаженная душа. Орсини не обладала этой особой прелестью.

Однако на этот раз молчание было слишком длительным, и молодой француз, не очень искушенный в умении постигать скрытые чувства итальянского сердца, снова принял спокойный и рассудительный вид, вернувший ему непринужденность. К тому же в эту минуту он был огорчен: пока он шел подвалами и узкими ходами из дома, смежного с палаццо Кампобассо, в эту залу, паутина пристала к совсем новому шитью очаровательного камзола, доставленного накануне из Парижа. Эта паутина вызвала в кавалере неприятное чувство, и к тому же пауки внушали ему отвращение.

Сенесе показалось, что взгляд княгини стал спокойнее, и он хотел избежать сцены, отклонить упрек, вместо того чтобы на него возражать; но испытываемая им досада настраивала его на серьезный лад.

«Не представляется ли мне удобный случай приоткрыть ей истину? — подумал он. — Она сама задала сейчас вопрос; вот я уже наполовину избавлен от этой неприятности. Должно быть, я и впрямь не создан для любви. Я никогда не видел ничего прекраснее этой женщины с ее странными глазами. Она плохо обращается со мной, заставляет меня лазить по отвратительным подземельям; но она племянница государя, ко двору которого я послан королем. Сверх того, она блондинка; в стране, где все женщины брюнетки, это большое преимущество. Я ежедневно слышу, как ее красоту превозносят до небес люди, мнение которых заслуживает доверия и которые очень далеки от мысли, что они разговаривают со счастливым обладателем стольких прелестей. Что же касается власти, которую мужчина должен иметь над своей любовницей, то я на этот счет нимало не беспокоюсь. Стоит мне

только сказать одно слово, и я разлучу княгиню с ее дворцом, с ее золоченой мебелью, с дядей-монархом, и все это для того, чтобы увезти ее во Францию, в глушь провинции, где она будет влачить тоскливую жизнь в одном из моих поместий... Право, картина этого будущего самопожертвования внушает мне только твердую решимость никогда не требовать его от княгини. Орсини гораздо менее красива; если она и любит меня, то разве немногим больше, чем певца Бутофако, которого я вчера заставил ее прогнать; но она знает светское обхождение, ведет открытый образ жизни, к ней можно приезжать в карете. И я вполне убедился, что она никогда не сделает сцены; для этого она меня недостаточно любит».

Во время долгого молчания княгиня не сводила пристального взгляда с красивого лица молодого француза. «Я не увижу его больше», – подумала она.

Вдруг она бросилась в объятия Сенесе и покрыла поцелуями его лицо и глаза, уже не сиявшие от счастья при новой встрече с нею. Кавалер перестал бы себя уважать, если бы он тотчас не забыл все свои намерения порвать эту связь; но его возлюбленная была слишком взволнована, чтобы забыть свою ревность. Мгновение спустя Сенесе с удивлением смотрел на нее: слезы ярости быстро катились по ее щекам.

– Как! – твердила она вполголоса. – Я пала так низко, что говорю ему о происшедшей в нем перемене, я упрекаю его в ней, я, поклявшаяся себе никогда не замечать ее! И мало этого унижения, надо еще, чтобы я уступила страсти, которую внушает мне это очаровательное лицо. Ах, жалкая, жалкая княгиня... Надо с этим покончить.

Она вытерла глаза и, казалось, снова немного успокоилась.

– Надо с этим покончить, кавалер, – сказала она довольно спокойно: – Вы часто бываете у графини... – Тут она отчаянно побледнела. – Если ты ее любишь, пусть будет так, езди к ней каждый день, но больше сюда не являйся...

Княгиня как бы невольно остановилась. Она ждала, что кавалер скажет хоть слово; но это слово не было сказано. Сделав небольшое судорожное движение и точно стиснув зубы, она продолжала:

– Это будет смертным приговором для меня и для вас. Ее угроза положила конец колебаниям кавалера, до тех пор только удивлявшегося этой внезапной вспышке гнева после такой самозабвенной нежности. Он рассмеялся. Внезапная краска залила щеки княгини, и они стали пунцовыми. «Она задохнется от гнева, – подумал кавалер, – с ней будет удар». Он приблизился, собираясь расшнуровать ее платье; она оттолкнула его таким решительным движением и с такой силой, к которым он не привык. Сенесе припомнил впоследствии, что, когда он пытался заключить ее в объятия, он услышал, как она говорит сама с собою. Он немного отошел, – ненужная скромность, ибо княгиня, казалось, не замечала его больше. Низким и приглушенным голосом, словно беседуя со своим духовником, она говорила:

– Он оскорбляет меня, он ведет себя вызывающе. По своей молодости и по свойственной его стране нескромности он, конечно, расскажет Орсини про все мои унижения... Я не уверена в себе; я даже не могу поручиться, что устою перед очарованием его лица.

Тут снова водворилось молчание, показавшееся кавалеру несносным. Княгиня встала, наконец, повторив еще более мрачным голосом:

– Надо с этим покончить.

Сенесе, которого примирение заставило забыть, что он намерен был серьезно облениться, – заговорил в шутливом тоне об одном любовном походе, вызвавшем много разговоров в Риме.

– Оставьте меня, кавалер, – сказала княгиня, перебивая его, – мне нездоровится.

«Эта женщина скучает, – подумал Сенесе, спеша повиноваться, – а ничто так не заразительно, как скука».

Княгиня проводила его взглядом до конца залы.

«А я собиралась легкомысленно решить мою судьбу! – промолвила она с горькой усмешкой. – К счастью, его неуместные шутки отрезвили меня. Как он глуп! Как могу я любить человека, который так плохо меня понимает? Он хочет позабавить меня шутливым словом, когда дело идет о его и моей судьбе... А! Я узнаю то мрачное и угрюмое расположение духа, которое составляет мое несчастье. – Она в исступлении встала с кресла.

– Как хороши были его глаза, когда он говорил мне это... И, сказать правду, у бедного кавалера было любезное намерение. Он знает, злополучное свойство моего нрава; он хотел отвлечь мой ум от волновавшего меня горя, вместо того чтобы расспрашивать о его причине. Любезный француз! И в самом деле, разве я знала счастье, пока не полюбила его?»

Она стала размышлять, и размышлять с наслаждением о совершенствах своего возлюбленного. Мало-помалу она перешла к мысленному созерцанию прелестей графини Орсини. Душе ее все начало представляться в мрачном свете. Муки жесточайшей ревности овладели ее сердцем. В самом деле, роковое предчувствие волновало ее вот уже два месяца; единственными и сносными для нее мгновениями были те, которые она проводила в обществе Сенесе; однако когда она не покоилась в его объятиях, в ее разговоре с ним почти всегда звучала горечь.

Вечер прошел для нее ужасно. Измученная и словно немного успокоенная скорбью, она подумала, что ей следует поговорить с кавалером: «Ведь он видел меня разгневанной, но не знает причины моих укоров. Быть может, он не любит графиню. Быть может, он бывает у нее только потому, что путешественник должен бывать в обществе той страны, где он находится, особенно у членов семьи ее государя. Быть может, если я велю представить мне Сенесе, если он сможет открыто навещать меня, он будет проводить здесь целые часы, как у Орсини...»

– Нет! – воскликнула она с яростью. – Я не унижу себя тем, что буду говорить с ним; он станет презирать меня, и это все, чего я добьюсь. Ветреный нрав Орсини, который я так часто презирала, – как я была безрассудна! – действительно приятнее моего, особенно на взгляд француза. Я же создана для того, чтобы скучать с испанцем. Что может быть нелепее, чем вечно быть серьезной, точно житейские события сами по себе недостаточно серьезны!.. Что станет со мною, когда у меня не будет больше моего кавалера, чтобы оживлять меня, чтобы зажигать в моем сердце тот огонь, которого мне не достает?

Она велела никого не принимать, но это распоряжение не относилось к монсиньору Ферратерра, который приехал сообщить ей о том, что делали у Орсини до часу ночи. До сих пор этот

прелат добросовестно содействовал княгине в ее любовной связи; но с того вечера он не сомневался больше, что Сенесе вскоре будет с графиней Орсини в наилучших отношениях, если только это не произошло уже.

«Набожная княгиня, — думал он, — будет мне более полезна, чем светская женщина. У той всегда будет человек, которого она предпочтет мне, — ее любовник; а если когда-нибудь этим любовником окажется римлянин, у него может обнаружиться дядя, которого потребуется сделать кардиналом. Если я сумею обратить княгиню на путь истины, она прежде всего, со всем свойственным ей жаром, позаботится о своем духовнике... На что только я не могу надеяться, если княгиня походатайствует за меня перед своим дядей!»

Честолюбивый прелат погрузился в мечты о восхитительном будущем; он мысленно видел, как княгиня бросается к ногам своего дяди и испрашивает прелату сан кардинала. Папа будет очень признателен за то, что он собирается предпринять... Тотчас после обращения княгини он представит папе неопровержимые доказательства ее любовной связи с молодым французом. Его святейшество как человек благочестивый, чистосердечный и ненавидящий французов будет питать вечную признательность к тому, кто сумел прекратить столь неприятную для него связь. Ферратерра принадлежал к высшей знати Феррары; он был богат, ему шел шестой десяток... Воодушевленный столь близкой перспективой кардинальской шляпы, он совершил чудеса; он осмелился резко изменить свою роль по отношению к княгине. В продолжение тех двух месяцев, когда Сенесе явно пренебрегал ею, прелату казалось опасным нападать на него, ибо, плохо понимая Сенесе, он считал его тоже честолюбивым.

Читатель нашел бы очень длинным диалог молодой княгини, обезумевшей от любви и ревности, и честолюбивого прелата. Ферратерра начал с самого пространного подтверждения печальной истины. После такого потрясающего начала ему было нетрудно пробудить все чувства религиозности и страстного благочестия, которые были только приглушены в сердце молодой римлянки, столь искренно верующей.

— Всякая нечестивая страсть должна кончиться горем и

бесчестием, – твердил ей прелат.

Уже давно рассвело, когда он вышел из палаццо Кампобассо. Он взял с новообращенной слово, что она не примет в этот день Сенесе. Княгине было нетрудно дать это обещание; она считала себя набожной, а на самом деле боялась внушить кавалеру презрение своей слабостью.

Ее решение оставалось непоколебимым вплоть до четырех часов дня; то был момент, когда следовало ожидать появления кавалера. Он проехал по улице вдоль сада палаццо Кампобассо, увидел условный знак, извещавший, что свидание невозможно, и, очень довольный, направился к графине Орсини.

Мало-помалу Кампобассо почувствовала, что она, словно теряет рассудок. Самые странные мысли и решения быстро сменялись в ее душе. Вдруг она, словно обезумев, спустилась по главной лестнице палаццо и села в карету, крикнув кучеру:

– В палаццо Орсини!

Беспредельное горе, как бы против ее воли, побуждало княгиню увидеть свою кузину. Она застала графиню в окружении полусотни гостей. Все славившиеся умом люди, все честолюбцы Рима, не получая доступа в палаццо Кампобассо, стекались в палаццо Орсини. Приезд княгини произвел большое впечатление; все из почтительности отошли в сторону; княгиня не уделила этому ни малейшего внимания; она смотрела на свою соперницу, она восхищалась ею. Каждая привлекательная черта в графине была для Кампобассо словно удар ножом в сердце. После первых приветствий Орсини, видя, что княгиня молчалива и озабочена, возобновила какой-то разговор, блестящий и *disinvoltà*.

«Насколько ее веселость должна нравиться кавалеру больше, нежели моя безумная и скучная страсть», – думала Кампобассо. Движимая неизъяснимым порывом восхищения и ненависти, она кинулась на шею графине. Она видела только прелести своей кузины; и вблизи и издали они казались ей одинаково очаровательными. Она сравнивала ее и свои волосы, глаза, кожу. В итоге этих странных размышлений она прониклась к себе отвращением и ненавистью. Все казалось ей очаровательным, лучшим у ее соперницы.

Неподвижная и мрачная, Кампобассо была похожа на базальтовую

статую среди жестикулирующей и шумной толпы. Гости входили, уходили; вся эта сутолока тяготила, неприятно поражала Кампобассо. Но каков был ее ужас, когда она вдруг услышала, как доложили о приходе де Сенесе! Они условились в начале их близости, что он будет очень мало разговаривать с нею в обществе, и только так, как приличествует иностранному дипломату, встречающему всего два-три раза в месяц племянницу государя, в страну которого он послан.

Сенесе поклонился ей, соблюдая обычную почтительность и серьезность; потом, снова подойдя к графине Орсини, заговорил в том веселом, почти интимном тоне, который устанавливается с остроумной женщиной, когда она вас хорошо принимает и вы ежедневно видите с нею. Это сразило Кампобассо. «Графиня показывает мне, какой бы мне следовало быть, – подумала она. – Вот как я должна была бы держать себя, чего, однако, никогда не случится!»

Она уехала в величайшем отчаянии, в какое может впасть человеческое существо, и почти решила принять яд. Все радости, доставленные ей любовью Сенесе, не могли сравниться с беспредельной скорбью, в которой она пребывала всю эту долгую ночь. Можно подумать, что для того чтобы страдать, души римлян обладают запасом энергии, неведомым остальным женщинам.

На следующий день Сенесе снова проехал мимо, увидел знак, воспрещающий ему входить, и поехал дальше в веселом расположении духа. Однако он почувствовал себя уязвленным. «Так, значит, позавчера она дала мне отставку. Мне надо увидеть ее в слезах», – подсказало ему тщеславие. Он испытывал нечто похожее на любовь, теряя навсегда такую красивую женщину, племянницу папы. Он вышел из кареты, углубился в грязное подземелье, которое ему так не нравилось, и распахнул дверь большой залы нижнего этажа, где обычно принимала его княгиня.

– Как! Вы осмеливаетесь явиться сюда! – удивленно воскликнула княгиня.

«Ее удивление лишено искренности, – подумал молодой француз, – она бывает в этой зале только в те часы, когда ждет меня».

Кавалер взял ее за руку: она вздрогнула. Глаза ее наполнились слезами; она показалась ему такой красивой, что на миг в нем шевельнулась любовь. А она забыла все свои клятвы, приносимые ею в продолжение двух дней во имя религии, и, совершенно счастливая, кинулась в его объятия: «Вот то счастье, которым будет впредь наслаждаться Орсини!..»

Сенесе, как всегда, плохо понимая душу римской женщины, вообразил, что княгиня хочет расстаться с ним дружески, разойтись, соблюдая приличия. «Мне, человеку, состоящему при королевском посольстве, не годится иметь смертельного врага (а она могла бы сделаться им) в лице племянницы государя, при дворе которого я числюсь». С гордостью думая, что он достиг удачного результата, Сенесе стал уговаривать княгиню. Они заживут в самом приятном согласии; почему бы им не быть счастливыми? В чем, в сущности, можно его упрекнуть? Любовь уступит место доброй и сердечной дружбе. Он настоятельно просит позволения приходить время от времени сюда, где они теперь находятся; в их отношениях всегда будет нежность...

Сначала княгиня не понимала его. Когда же она с ужасом поняла, она застыла на месте, устремив неподвижный взгляд в пространство. Наконец эта последняя капля, упоминание о «нежности в их отношениях», заставила ее прервать речь Сенесе; голосом, исходившим, казалось, из глубины ее груди, она медленно произнесла:

— Иными словами, вы находите меня все же достаточно красивой, чтобы быть той женщиной, которая всегда к вашим услугам?

— Но ведь ваше самолюбие не пострадало, милый и любезный друг, — возразил Сенесе, в свою очередь искренно удивленный. — Как может вам прийти в голову в чем-либо укорять меня? К счастью, никто не подозревал никогда о нашей близости. Я человек чести; я еще раз даю вам слово, что никогда ни одно живое существо не догадается о счастье, которым я наслаждался.

— Даже Орсини? — прибавила она сдержанным тоном, который опять ввел кавалера в заблуждение.

— Разве я когда-либо называл вам тех женщин, которых я любил до того, как стал вашим рабом? — простодушно спросил кавалер.

— Несмотря на все мое уважение к вашему честному слову, я

отнюдь не намерена подвергать себя этому риску, – сказала княгиня решительным тоном, который стал наконец удивлять молодого француза. – Прощайте, кавалер... – И когда он несколько неуверенно направился к двери, княгиня прибавила: – Поцелуй меня.

Она была явно растрогана, потом она сказала ему твердым голосом:

– Прощайте, кавалер. Княгиня послала за Ферратеррой.

– Я хочу отомстить, – пояснила она ему.

Прелат был в восторге. «Она скомпрометирует себя; отныне она в моей власти».

Два дня спустя Сенесе поехал около полуночи подышать свежим воздухом на Корсо, так как стояла невыносимая жара. Он застал там все римское общество. Когда он хотел снова сесть в карету, его лакей оказался настолько пьян, что едва мог отвечать ему; кучер исчез; лакей с трудом пролепетал, что кучер повздорил с каким-то врагом.

– А, у моего кучера есть враги! – смеясь промолвил Сенесе.

Возвращаясь домой, он едва отошел на два или три перекрестка от Корсо, как заметил, что его преследуют. Четверо или пятеро мужчин останавливались, когда он останавливался, и снова шли за ним, когда он шел дальше.

«Я бы мог сделать крюк и вернуться на Корсо по другой улице, – подумал Сенесе. – Пустяки! Эти увальни не стоят того; я хорошо вооружен». Он обнажил кинжал и крепко сжал его в руке.

Рассуждая так, Сенесе прошел две-три улицы, расположенные в стороне и чем дальше, тем более пустынные. Он услышал, как шедшие за ним люди ускорили шаги. В эту минуту, подняв глаза, он увидел прямо перед собой маленькую церковь, бывшую в ведении монахов францисканского ордена; из окон ее струился необычайно яркий свет. Сенесе бросился к двери и громко постучал рукояткой кинжала. Люди, как будто бы его преследовавшие, находились в пятидесяти шагах от него. Они кинулись к нему бегом. Какой-то монах отпер дверь; Сенесе ворвался в церковь; монах задвинул железный засов. В то же мгновение преследователи стали колотить ногами в дверь.

– Нечестивцы! – сказал монах. Сенесе дал ему цехин.

– Несомненно, они покушались на меня, – проговорил он. Церковь была освещена по меньшей мере тысячью свечей.

– Как! Служба в такой поздний час! – заметил Сенесе монаху.

– Ваше сиятельство, на это есть особое разрешение его преосвященства кардинала-наместника.

Все узкое пространство перед алтарем маленькой церкви Сан-Франческо-а-Рипа было занято роскошным катафалком; служили заупокойную мессу.

– Кто это умер? Какой-нибудь князь? – спросил Сенесе.

– Надо полагать, – ответил священник, – ибо на отпевание ничего не пожалели; но все это – зря потраченные деньги и воск; отец настоятель сказал нам, что усопший скончался нераскаянным грешником.

Сенесе подошел ближе; он увидел гербовые щиты французского образца, любопытство его удвоилось; он подошел вплотную и узнал свой герб! На катафалке была латинская надпись: «Nobilis homo Johannes Norbertus Senese eques decessit Romae». «Знатный дворянин Жан-Норбер де Сенесе, умер в Риме».

«Я первый, – подумал Сенесе, – кому выпала честь присутствовать на собственных похоронах... Насколько мне известно, только Карл V доставил себе это удовольствие... Но мне что-то не по себе в этой церкви».

Он дал ключарю второй цехин и сказал:

– Отец мой, выпустите меня через заднюю дверь вашего монастыря.

– Весьма охотно, – ответил монах.

Едва очутившись на улице, Сенесе, держа в каждой руке по пистолету, пустился бежать изо всех сил. Вскоре он услышал позади себя шаги преследователей. Приближаясь к своему палаццо, Сенесе увидел, что входная дверь закрыта и перед ней стоит какой-то человек.

«Вот когда произойдет нападение», – подумал, молодой француз; он уже приготовился убить этого человека выстрелом из пистолета, но узнал в нем своего камердинера.

– Отопри дверь! – крикнул он ему.

Дверь была только притворена; они быстро вошли и заперли ее.

– Ах, сударь, я искал вас повсюду; должен сообщить вам

грустное известие; ваш кучер, бедняга Жан, убит ударом ножа... Убившие его люди яростно осыпали вас проклятиями... Сударь, на вашу жизнь покушаются...

В эту минуту восемь выстрелов из мушкетов разом грянули за окном, выходящим в сад, и уложили Сенесе наповал вместе с его камердинером; каждый был прострелен более чем двадцатью пулями.

Два года спустя княгиня Кампобассо почиталась в Риме как образец величайшего благочестия, а монсиньор Ферратерра уже давно был кардиналом.

Простите автору его ошибки.

Фредерик СТЕНДАЛЬ.

* Церковь в заречной части Рима, Транстевере. (Примеч. автора.)

Французская новелла XIX века / [Сост. Б.П.Мицкевич.]

— Мн.: Изд-во «Университетское», 1984

Перевод К.А.Ксаниной Neкаýalar